

Тимофеева И. Ю.

I. Yu. Timofeeva

ЯПОНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕКАДАНС: ПАРАДОКСЫ ЭСТЕТИКИ

JAPANESE LITERARY DECADENCE: PARADOXES OF AESTHETICS

Тимофеева Ирина Юрьевна – кандидат культурологии, доцент кафедры «История и культурология» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: irina_tomoffeeva@mail.ru.

Irina Yu. Timofeeva – PhD in Culture Studies, Associate Professor, Department of History and Culture Studies, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: irina_tomoffeeva@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу художественного направления декаданса в японской культуре середины XX века. Литературное творчество писателей-декадентов анализируется в контексте японской культуры послевоенного периода в целом, проводятся параллели творчества и житнетворческих практик, свойственных декадансу. Автором выявляется их обусловленность трагическим мироощущением культуры XX века, ментальными особенностями японской культуры и влиянием традиций европейского декаданса. Автором систематизируются характерные черты эстетической программы европейского декаданса и их преломление в контексте национальной японской культуры. Материалом для анализа служит творчество японских писателей середины XX века, входящих в группу «Бурай-ха»: Дадзая Осаму, Ода Сакуноскэ и Сакагути Анго. Исследовательский интерес автора сосредоточивается на переосмыслении японской литературой типа героя-декадента, основных мотивов, эстетических категорий, визуально-предметной среды произведения.

Summary. The article is devoted to the analysis of the artistic direction of decadence in the Japanese culture of the late twentieth century. The literary work of decadent writers is analyzed in the context of the Japanese culture of the post-war period as a whole, parallels of creativity and life-creating practices characteristic of decadence are drawn. The author reveals their conditionality with the tragic worldview of the culture of the twentieth century, the mental features of Japanese culture and the influence of the traditions of European decadence. The author systematizes the characteristic features of the aesthetic program of European decadence and their refraction in the context of national Japanese culture. The material for analysis is the work of Japanese writers of the mid-twentieth century, members of the Burai-ha group: Dazai Osamu, Oda Sakunosuke and Sakaguchi Ango. The author's research interest focuses on the reinterpretation by Japanese literature of the decadent hero type, the main motives, aesthetic categories, and the visual-subject environment of the work.

Ключевые слова: японская культура, декаданс, декадентство, «Бурай-ха», житнетворчество, Дадзай Осаму, Ода Сакуноскэ, Сакагути Анго, литература декаданса, тип героя, эстетика декаданса.

Key words: Japanese culture, decadence, decadence, «Burai-ha», life creation, Dazai Osamu, Oda Sakunoske, Sakaguchi Ango, literature of decadence, type of hero, aesthetics of decadence.

УДК 168.522,82.02

Декаданс относится к ряду культурных явлений, фиксируемых исследователями в разных социокультурных пространствах. Неизменными являются эпохальные процессы, актуализирующие декаданс в культуре – это процессы упадка, кризиса, слома, смены существующей культурной парадигмы. Рядом исследователей декаданс определяется в качестве культурного явления, неизменно проявляющегося на сломе эпох на протяжении всей истории культуры, в ситуации, когда в общественном сознании «былое» всё ещё является привлекательным, «настоящее» – абсолютно неприемлемым, а «будущее» мыслится неопределённым и пугающим [10]. Художественной реакцией на эти процессы и является декаданс. Безусловно, родиной зарождения и художественного оформления декаданса является Западная Европа. В европейской литературе конца XIX – начала

XX века декаданс обрёл свои формально-эстетические признаки. В европейской же культуре декаданс, выйдя за пределы исключительно искусства, предложил вариант жизнетворчества по его правилам. И, обращаясь к анализу рецепции декаданса в контексте национальной культуры, следует иметь в виду его полисемантический статус в культуре: как литературного направления и как особой формы жизнетворчества, предполагающей формирование социокультурной поведенческой модели, реализуемой в сфере повседневной жизни. В таком варианте декаданс вышел далеко за пределы Европы и нашёл отклик в том числе в азиатской литературе.

Следует отметить, что ключевыми проблемами декадентской литературы в целом являются проблемы столкновения искусства и реальности, и, соответственно, осмысление позиции человека по отношению к этим универсумам – естественному/реальному и искусственному – будет лежать в основе эстетики декаданса. Мировоззренческая установка декаданса базируется на распаде единства классической триады «истинное – нравственное – прекрасное». Причём данный распад наблюдается как в европейской модернистской эстетике, так и в японской эстетике конца XIX – первой половины XX века, где также укрепляется мысль о том, что художественные произведения обладают самостоятельной уникальной ценностью, не сводимой к иному – моральному, религиозному или научному – содержанию.

Декадент немислим в пространстве природы, место действия в декадентском произведении это всегда место, порождённое и оформленной культурой. Чаще всего им становится город. Причём городская среда тоже специфически осмысливается в эстетике декаданса, т. к., безусловно, он (декаданс) противостоит и буржуазным, мещанским ценностям. Его эстетизм выстраивается вопреки всему буржуазному, т. к. его цель – эпатировать, шокировать, бросать вызов всему буржуазному. Противопоставленность всему природному породила в эстетике декаданса и культ артефакта, ведь именно артефакт в своей эстетически завершённой форме превосходит любой природный объект. Объективная реальность отвергается и максимально редуцируется. Картина мира и система ценностей выстраивается в противопоставлении реальности, как социально-исторической, так и природной, эстетизируется и замыкается вокруг творящего её субъекта. И только такая – субъективная, эстетическая – реальность объявляется истинной и имеющей право на существование. Творящий субъект сакрализуется и творит своё бытие по своим, субъективным законам, в первую очередь законам эстетическим, но никак не этическим. Эстетика декаданса неморальна, культ красоты ни в коем случае не предполагает её этос, она самодостаточна, и в этом смысле прекрасным может быть зло (к примеру, образ «цветов зла» в поэтике Ш. Бодлера). Доминирующей направленностью творческой стратегии декаданса будет субъективное «я», которое трансцендируется и противопоставляется имманентной реальности. Отсюда неизменный принцип «искусство в жизнь», жизнетворческие стратегии, являющиеся душой эстетических практик, их смыслом и главным содержанием эстетической деятельности декаданса. Исследователями жизнетворческого феномена декаданса фиксируется его разрушительность для субъекта, т. к. инструментально он предполагает постоянную обращённость вовнутрь, в инобытие, что достигается путём практики экзальтации, томления, своеобразной медитации, эстетического эмоционального переживания, т. е. пребывания в некоем инобытии, интенсивность которого воспринимается и переживается как целая жизнь. В этой связи типичными героями декадентской литературы будут либо эстетически невротичные, томные, болезненные, чувствительные, изощрённые, рафинированные, либо изысканные денди. Главное эмоциональное состояние такого героя – пресыщенность, скука; чтобы почувствовать себя живым, современный человек грезит о трагедиях, кровавых картинах прошлого. Характерные мотивы декадентского искусства – это смерть, пороки, болезни, кошмарные культы, мистицизм, культ чувственных наслаждений, роковые женщины, описание прекрасных предметов. Любое проявление искусственности приветствуется декадентами, будь то болезнь или порок, лишь бы в нём звучал вызов природе. Такую модель поведения можно обозначить как «творческую деструкцию»: герои существуют среди материального и социального распада, следовательно, в повествованиях будут постоянно фигурировать темы крайней физиологичности, сексуальной порочности, болезненности.

Декадентская японская литература является частью литературы модернизма, продолжающей её тенденцию ухода от реализма, так называемой «пролетарской литературы». Можно выделить несколько тенденций, характерных для японской литературы конца XIX – начала XX века, которые подготовят появление литературы декаданта. Первая – это тенденция европеизации японской культуры. В период Мэйдзи в культуре Японии широко распространяется переводная европейская литература. Вследствие её влияния формулируются новые принципы художественно-литературного творчества, которые были призваны отдалить новую японскую литературу от традиционно-феодальной. В 1885 году Цубоути Сёё выпускает в свет трактат «Сущность романа», оценивающийся современниками как теоретический манифест новой литературы и нового статуса писателя. «Роман должен вскрывать тайное в человеческих чувствах, показывать законы сердца, то есть то, что упускает в своих объяснениях психология... Пусть это будут люди и нами вымышленные; поскольку они выступают в произведении, постольку следует смотреть на них как на людей действительного мира и, изображая их чувства, не определять по своему разумению, что это – хорошо, а то – плохо, это – правильно, то – ложно. Нужно стоять рядом с ними и, наблюдая как бы со стороны, описывать так, как оно есть» [6, 317]. Эта тенденция обозначала поворот к изображению действительности как она есть, зарождение реализма и натурализма в японской литературе.

Вторая тенденция – формирование романтического направления в японской поэзии, с его лейтмотивами индивидуализма, эмансипации личности, акцентуализация лирическим героем своего «я», защита его от любых посягательств извне [6, 341]. Большое влияние на это направление оказало знакомство японских авторов с творчеством поэтов-символистов Бодлера, Рембо, Верлена, произведениями Эдгара По и Оскара Уайльда. Романтические мотивы проявились, к примеру, в лирике Китахара Хакусю. В начале XX века неоромантизм, стилистически близкий к европейскому декадентству, проявил себя также в раннем творчестве японского прозаика Танидзаки Дзюньитиро. «Жизнь человеческая не стоит и одной строчки Бодлера...» – писал Акутагава (1892–1927), утверждая приоритет искусства над жизнью.

Таким образом, проблематика японской декадентской литературы обусловлена, с одной стороны, социокультурными условиями, в которых она сформировалась (а это тяжёлые послевоенные годы середины XX века), с другой – тенденцией, начавшейся ещё в начале века, по сближению Японии и Западной Европы в сфере духовно-философских поисков, предполагающих как отдаление от традиций прошлого, так и «антипозитивизм и антиинтеллектуализм, интерес к проблеме субъекта и антропологической проблематике» [5, 12].

Декаданс заявляет о себе в японской литературе послевоенного времени. Настроения этого периода, выраженные в утрате идеалов и ценностей, пессимизме, тоске, проблеме самоидентификации, самоизоляции индивида обусловили поиски творческого человека. Эти тенденции породили в японской литературе такие явления, как «литература плоти», или «физиологическая литература» (никутай бунгаку), изображающая психические аномалии, тёмные стороны человеческой натуры. Или, к примеру, творчество так называемой «неоразвлекательной группы» (Син-гэсакуха), возникшей в 1946 году, в которой ведущим приёмом поэтики обозначилась ирония. Юмористические зарисовки, комические сценки, шуточные ситуации, эротические мотивы были свойственны этим «несерьёзным» сочинениям. По аналогии с ними, благодаря формальному признаку – иронии, отличавшей и произведения авторов новой эпохи, – группа таких писателей получила название «Новое объединение развлекательной литературы», или «Неоразвлекательная группа». Участниками этого литературного объединения являлись Дадзай Осаму, Сакагути Анго, Ода Сакуноске. Литература постепенно меняется: отчаяние, разочарование, бессмысленность и безумие жизни становятся её главными темами, за внешним сарказмом и парадоксальностью изложения скрываются духовная опустошённость и безысходность. Именно это объединение писателей и получило в Японии название «Декадентская группа» (Бурай-ха). Жизнетворческое бунтарство стало тем отличительным принципом, который сразу объединил этих писателей. Бунтарство в новых обстоятельствах японской культуры военного и послевоенного времени отличалось от того эстетизированного, рафинированного, аристократически-эпатажного эго-бунтарства против всего буржуазного, что было характерно для европейских декадентов. Между тем каждый из трёх авторов

по-своему выстраивает жизнетворческие стратегии, что, несомненно, влияет на индивидуальный творческий метод каждого. Безусловно, творчество каждого автора уникально и достойно отдельного исследования, поэтому в данной статье мы лишь коснёмся общих для всех троих вопросов осмысления декадентской эстетики.

Работы Дадзая Осаму, Оды Сакуноскэ и Сакагути Анго переводились на русский язык крайне редко. Из, пожалуй, наиболее известных можно назвать «Исповедь неполноценного человека» Дадзая Осаму, произведение, в некоторой степени являющееся программным для японского декаданта. Творчество данного писателя трудно отнести к определённому литературному направлению. Многие называют его классиком «романа о себе» или «эго-романа» («ватакуси-сэсэцу»), другие говорят о его близости к романтизму. К декадентству его позволяют отнести мотивы, связанные с типом героя, являющегося, несомненно, творческой ипостасью самого автора: слабого, безвольного, ранимого, выпадающего из системы общественных представлений и понятий, не способного найти в этой системе органичного места. Постоянный конфликт личности, разрывающейся между желанием стать частью социума, входной билет в который рассматривается автором в виде исповедальной искренности, и, с другой стороны, невозможностью удовлетворить это желание, приводит автора и его героя к депрессии, паясничанью, в конечном итоге – к самоубийству: «Одарённый талантом и измученный, он жил как дегенерат и писал как ангел». В контексте японской культуры и японского менталитета этот конфликт – разрыв человека и общества – максимально трагичен. В отличие от европейского сознания, которому изначально присущ пафос личностного самоутверждения, ценности личности как таковой, для восточной японской культуры ментально органичным является ощущение человеком себя как части общества, семьи, культуры в целом. «Исповедь неполноценного человека» («Нингэн сиккаку», 1948 г.) совершенно искренне, без доли иронии обнажала переживание этой социальной «неполноценности» автора и героя, и чувство вины, связанное с такой позицией. Исконная аристократическая европейская противопоставленность декадента всему окружающему миру как «неполноценному» в творчестве Осаму Дадзая семантически переворачивается, меняет оценку: «неполноценным» ощущает себя сам автор и герои его эго-прозы.

Вопросам соотношения личности автора и литературного героя, присутствия автора в тексте, его позиции «наблюдателя» уделял внимание Дадзай Осаму. Подробно об этом литературном приёме в творчестве Осаму пишет в своих работах Э. С. Шорохова. Исследователь отмечает, что автор, скрупулёзно препарировав себя на глазах у публики, сравнивает писателя с «беспристрастным фотографом, который непременно должен сочетать в себе “не страшась бога безразличие, граничащее с безумством, высокомерие, беспамятство, самоуверенность и презрение к людям”», – все эти самые низкие качества, по мнению эго-беллетриста, концентрируются в загадочном, вонючем жучке, обитающем в груди творца: «Люди называют этого жучка Сатаной» [12, 312].

«Дадзай с самого рождения жил в мире, совершенно оторванном от реальности, – пишет Окуно Такэо, – это был замкнутый мир, полностью обособленный от внешнего. Все события, происходящие за его пределами, воспринимались им только после того, как он растворял их в своём собственном мире, только после того, как он перестраивал их, подчиняя созданной им самим системе. Он не видел явления и предметы внешнего мира в их реальном виде, он воспринимал только их искажённые умозрительные проекции». «Постоянно люди ввергали меня в панический ужас, я уже уверовал, что не состоялся как человек, и всё это выливалось в то, что я скрывал свои терзания в тайниках души, усиленно маскировал меланхолию, нервозность, закутываясь в одежды наивного оптимизма, всё более становился паяцем, чудаком» [3, 17].

Творчество Оды Сакуноскэ критики и читатели японской литературы относят то к литературе направления сингэсакуха («неоразвлекательное»), то к «литературе плоти», или «физиологической литературе» (никутай бунгаку). Ода Сакуноскэ – круглый сирота, родился, вырос, бродяжничал ранние годы своей жизни в городе Осака. Этот город был крупным торговым центром и в мировоззрении писателя тесно связан с мещанским миром, представлением о сытом благополучии. Образ Осаки – города разрушающегося, под маской благополучия таящего разврат, ложь, торговлю людьми, порочность – стал центральным для творчества Оды Сакуноскэ. Одиночество,

тоска, безнадежность, страх перед жизнью и людьми являются неотъемлемыми чертами героев произведений писателя.

Творчество Сакагучи Анго отличается жанровым разнообразием: он писал новеллы и эссе, исторические романы и детективы. Наиболее значимыми для данного исследования будут эссе автора «Личный взгляд на японскую культуру» (1942 г.) и «Рассуждение о декадансе» (1946 г.), а также рассказы «Под сенью цветущей сакуры», «Идиотка» и др. Писатель поднимает болезненные вопросы культурной японской идентичности, в то время как в стране действует жесткая послевоенная репрессивная цензура. Повсеместное отчаяние послевоенных лет, причинами которого были бедность, безработица, инфляция и разрушенные войной жизни, требовало культурного осмысления. Освободиться от депрессии и отчаяния и вернуться к полноценной нормальной жизни становится важной задачей для жителей послевоенной Японии, которую пытается решить Анго Сакагучи в своём эссе о «падении (упадке)» – «Рассуждении о декадансе» – в контексте провокационного вызова старым культурным ортодоксиям. В эссе Анго Сакагучи пишет, что на данный момент важность цивилизационных «удобств» гораздо выше, чем элементы традиционной японской культуры (такие как чайные церемонии, архитектурные и скульптурные памятники, почитание императора или самурайский кодекс, об истинной ценности которых мало кто задумывается), выступает с критикой традиционной японской эстетики: «What is the essence of the “Japanese spirit”? We, of all people, do not need to theorize on that ... We yank trousers over our stubby bowlegs, deck ourselves out in Western clothes, waddle about, dance the jitterbug, toss out the tatami, and strike our affected poses amidst tacky chairs and tables. That this appears completely absurd to the Western eye has absolutely no bearing on the fact that we ourselves are satisfied with the convenience of it all» [14, 349]. Кодекс бусидо, на котором строилась военная идеология милитаристской Японии, пересматривается и осуждается Анго, который ему взамен предлагает возвращение к человеческому, к «нормальной жизни», получению от неё удовольствия (в том числе гедонистического, эротического). Анго в эссе признаётся в сильном эстетическом переживании масштабных разрушений, вызванных бомбёжками Токио. И именно грандиозность этих разрушений заставляет его испытывать всю мощь эстетического переживания, его особую интенсивность. В своём эссе он называет их «прекрасными».

Эссе оказало сильное влияние на писателей послевоенного времени. В своих рассуждениях о сущности литературы Анго Сакагучи подчёркивал её устремлённость в будущее, и именно поэтому реализм в литературе, по его мнению, не может быть исчерпывающим методом. Для того чтобы писать о будущем, необходимо его «выдумывать», литература должна выходить за рамки реального жизненного опыта человека, равно как и за рамки копирования опыта прошлого. «Ложь» в литературе следует принимать как неотъемлемую часть изображения возможностей, потому что она неотделима от истины с точки зрения будущего. Особенно актуальной ориентация на будущее стала для послевоенной литературы. Многие его работы иллюстрируют стремление освободиться от всех теорий, идеологий и интеллектуальных построений в стремлении к «более чистому», более аутентичному способу существования. Этот поиск и привёл его к жанру фарса, выходящему за границы реализма и подражания действительности. В этой жанровой форме Анго видит потенциал освобождения от ограничений, навязываемых любыми канонами. Приём, сделавший это возможным, заключается в отказе от всех дискриминирующих иерархий, в том числе этических. Фарс позволяет продемонстрировать все стороны бытия человека, будь то фантазии, сны, смерть, ярость, противоречие, абсурд или двусмысленность. Для их изображения писателем используются приёмы «внезапности», разрушения ожидания: когда непредвиденный поворот повествования сталкивает читателя с шокирующей сценой, фрустрирующей его и заставляющей его «закрывать глаза». Этот приём он демонстрирует в своих послевоенных произведениях («Хакучи» (Идиот, 1946 г.) и «Сакура но мори но манкай но сита» (1947 г.)). Знаменитое произведение Сакагучи Анго «В лесу, под цветущими вишнями» переосмысливает традиционный для японской культуры образ цветущей сакуры. Её цветение и одновременно процесс распада навевают ужас, становятся символом безумия, семантически связаны с темой смерти.

Завершая исследование, обозначим некоторые характерные черты декадентского литературного произведения и рассмотрим их специфику в литературе японского декаданса.

1. Принцип бинарных оппозиций, лежащий в основе литературного произведения. Традиционными для декадентского текста являются оппозиции «природное (естественное) – культурное (искусственное)», «мужское – женское» (оппозиция, также контаминирующая оппозицию «природное и искусственное»), оппозиция «я – окружающий мир» (в значении противопоставленности творческой личности, автора, героя и социума). Все эти оппозиции мы обнаруживаем в творческом наследии японских писателей-декадентов. Тем не менее, обозначая эти оппозиционные пары, следует иметь в виду, что в творчестве японских декадентов их семантика может смещаться и осмысливаться иначе, чем в европейском декадансе. Как уже было сказано выше, например, семантика антиномии «личность – социум» в творчестве Осаму Дадзая переосмысливается в «неполноценную личность», не способную стать частью общества.

Бинарная пара «мужское – женское» также получает иное смысловое наполнение. В творчестве европейского декаданса женское начало осмысливалось в нескольких ракурсах. С одной стороны, женщина являлась воплощением той самой исконной максимальной «культурной искусственности», которая противоположна природному/естественному: платье, скрывающее и нарушающее природные очертания тела, макияж, маскирующий естественные черты лица и т. п. С другой стороны, романтическая традиция, унаследованная декадентами, полагала видеть в женском роковое, страстное, разрушительное, демоническое начало. Однако в японской декадентской литературе образ женщины трансформируется. Естественно, здесь играет свою роль менталитет восточной культуры. «Женское» часто осмысливается в литературном произведении в контексте сугубо земной, даже болезненно-извращённой плотской страсти, лишённой какого бы то ни было романтического ореола.

В литературе писателей Бурай-ха появляются и самобытные антиномии, переосмысленные с иных позиций, нежели в европейской традиции: например, антиномия «высокого» (культурного, идеального, духовного) и повседневного (потребности повседневной жизни, здоровья, естественные потребности тела, в том числе самые грубые их выражения в виде телесных развлечений, естественных телесных функций, сексуального возбуждения и т. п.). Причём последние авторами признаются как ценные в силу их естественности. А вот культурные установления, искусственные, особенно те, которые в искусственной форме пытаются создать иллюзию естественности, осмысливаются как «пошлость», извращение, недостоверность, вульгарность. В эссе «Личный взгляд на японскую культуру» Анго Сакагучи пишет: «I yearn for those who once lived true to their desires-the common man living a common life without apology, the petty man living a petty life with no regrets» («Я тоскую по тем, кто когда-то жил, верен своим желаниям – обычный человек живёт обычной жизнью без извинений, мелкий человек живёт мелкой жизнью без сожалений») [14, 370].

2. Ментальные особенности «сверхчувственного» декадентского типа героя. Исследователями отмечается распространение среди творческой японской интеллигенции XX века новомодной «болезни» (синкэй суйдзюку), нервного истощения, что влечёт за собой оформление нового типа автора и его литературного аналога – образа «болезненного гения» [9]. Психические «недуги» творческих личностей становились ключевым элементом амплуа «современного» писателя. Безусловно, эта тенденция была одним из элементов влияния западной культуры, в модернистских веяниях которой гениальность срачивалась с психической патологичностью: «Увлечение немецкими философами, психоанализом, сексуальными девиациями приводит к изменению восприятия художника. Соответственно, возникает “миф” о том, что творить искусство может лишь человек “болезненный” – обладатель психических патологий» [9, 259]. Известными фактами биографии писателей-декадентов стали их депрессии, лечение в психиатрической лечебнице (Осаму Дадзай), многочисленные попытки суицида.

Однако европейское культивирование собственной исключительности в японской литературе трансформируется в болезненную невозможность вписаться в социум, отверженность, «неполноценность», изгойничество, и, в конечном итоге, в самоубийство. Тип героя, присутствующий в произведениях авторов «Бурай-ха» – это тип усталого, измождённого, бесхарактерного,

одинокого, не способного к активному противостоянию действительности героя, а правильное сказать, анти-героя, лишённого всякого рода героизма, социально отверженного и постепенно саморазрушающегося. Интересно, что Осаму Дадзай назвал своего alter-ego «неполноценным» («Исповедь неполноценного человека»), а Ода Сокуноскэ – «безупречным» («Безупречный»).

3. Визуальная – предметная – среда, создающая эстетическую целостность, соответствующая эстетике декаданса с её исключаяющей из реальности позицией противоположности культурного артефакта – природной естественности, жизни – постепенному умиранию и разрушению. Предметные детали выражают эту тенденцию. К примеру, Оба Ёдзо (главный герой «Исповеди неполноценного человека» Осаму Дадзая) мечтает стать художником, но становится банальным карикатурщиком. В предисловии к «Исповеди» Осаму Дадзай знакомит читателя с фотографиями будущего героя. Их три, и их описание даётся словами стороннего наблюдателя-журналиста: «уродливая гримаса улыбки» молодого мальчика на первом снимке; «улыбка, лишённая ощущения реального бытия», принадлежащая гимназисту, запечатлённому на втором снимке; на третьем снимке изображён «седовласый» человек неопределённого возраста, на чьём лице можно заметить нечто зловещее, напоминающее «печать смерти».

Эстетизация темы смерти реализуется в описаниях как городских пейзажей, так и природных явлений (к примеру, цветущей сакуры). Однако здесь можно говорить именно об эстетике ужасного, безумного, больного, извращённого. Как город (Токио, Осака в произведениях писателей-декадентов), так и традиционные природные образы цветущей сакуры способны убивать, «удушая губительными объятиями». Эстетика декаданса генетически связана с эстетизацией тёмного начала, подразумевающего взгляд на мир через сюжеты умирания (тела, души, мира как такового).

Таким образом, японские авторы, генетически связанные с западноевропейским декадансом, творчески переосмысливают его традиционные темы, мотивы, образы, создавая своё неповторимое стилистическое направление. Литература декаданса не стала массовым явлением для японской литературы, идеи декаданса нашли своё воплощение в творчестве единичных авторов. Однако сам феномен декадентского образа жизни прижился в японской культуре. К примеру, в современном обществе мы можем наблюдать его сходные жизнотворческие стратегии в образе жизни представителей субкультуры «хикикомори» (букв. «нахождение в уединении»). Субкультура сугубо японская, представители которой (в основном это подростки и молодёжь) отказываются от социальной жизни, стремятся к крайней степени изоляции и уединения вследствие разных личных и социальных факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бреславец, Т. И. Послевоенные сочинения Дадзай Осаму / Т. И. Бреславец // Ойкумена. – 2009. – № 4. – С. 50-57.
2. Дадзай, Осаму. Исповедь «неполноценного» человека / Осаму Дадзай; пер. с яп. В. Скальника. – М.: Аграф, 1998. – 157 с.
3. Дадзай, Осаму. Избранные произведения / Осаму Дадзай // Японская классическая библиотека. XX век. (IV) / сост. Т. Л. Соколова-Делюсина. – СПб.: Гиперион, 2004. – 624 с.
4. История современной японской литературы / пер. с яп. Р. Г. Карлина, В. Н. Маркова; ред., предисл., коммент. Н. И. Конрада. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 429 с.
5. Карелова, Л. Б. Ключевые мировоззренческие проблемы в японской философии XX века (историко-философские очерки) / Л. Б. Карелова; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2017. – 163 с.
6. Конрад, Н. И. Очерки японской литературы / Н. И. Конрад. – М.: Художественная литература, 1973. – 462 с.
7. Конрад, Н. И. Японская литература. От «Кодзики» до Токутоми / Н. И. Конрад. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1974. – 566 с.
8. Дадзай, Осаму. Гудбай. Рассказы: сборник / Осаму Дадзай, Сакагути Анго, Ода Сакуноскэ; пер. с яп. П. Гуленок, К. Савощенко, В. Островская и др. – СПб.: Icebook, 2021. – 336 с.

9. Селимов, М. Г. «Нервное истощение» (синкэй суйдзяку) и писатель Танидзаки Дзюньбитиро // М. Г. Селимов // Ежегодник Японии. – 2022. – Т. 51. – С. 252-265.
10. Искусство и наука об искусстве в переходные периоды истории культуры / Н. А. Хренов, Э. В. Сайко, И. В. Кондаков и др. – М.: Гос. ин-т искусствознания, 2000. – 398 с.
11. Хронопуло, Л. Ю. Проблема социальной изоляции в произведениях японских писателей конца XX – начала XXI вв. / Л. Ю. Хронопуло // Проблемы литератур Дальнего Востока. Материалы 5-й Международной научной конференции 27 июня – 1 июля 2012 г. В 3 т. Т. 3. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. – С. 291-299.
12. Шорохова, Э. С. «Женская дуэль»: литературные опыты Дадзай Осаму / Э. С. Шорохова // Ежегодник Японии. – 2021. – Т. 50. – С. 297-315.
13. Шорохова, Э. С. Исповедальные мотивы в творчестве Дадзай Осаму / Э. С. Шорохова // Ежегодник Японии. – 2017. – Т. 46. – С. 395-415.
14. Dorsey, James Culture, Nationalism, and Sakaguchi Ango // Journal of Japanese Studies, Vol. 27, No. 2 (Summer, 2001), p. 347-379.